

А.Н. Стилиануди "Воспоминания об одном очаге культуры в старой Одессе"

Предлагаемые вниманию читателей "Воспоминания об одном очаге культуры в старой Одессе" принадлежат перу одесского художника-пейзажиста и педагога Александра Николаевича Стилиануди (1868-1948). Исключая многочисленные упоминания о нем в справочной искусствоведческой литературе, до последнего времени не было попыток обстоятельного исследования его биографии и особенностей творчества. В значительной мере этот пробел был восполнен в статье о Стилиануди, опубликованной О. Барковской в недавно вышедшей книге "Кириаки Костанди и художники-греки в Одессе".

"Воспоминания" посвящены периоду обучения молодого художника в Одесской рисовальной школе,

куда он поступил в 1885 г. после окончания греческого коммерческого училища. Многие, ставшие впоследствии известными мастерами, выпускники школы в разное время оставили о ней свои, неизменно теплые воспоминания. Из опубликованных назовем хотя бы воспоминания Л.О. Пастернака, П.М. Дульского, В.И. Полякова, И.И. Бродского. Список легко можно продолжить. Собранные вместе, они могли бы составить своеобразную эмоциональную, живую историю этого известного всей России учебного заведения. "Воспоминания А. Стилиануди", таким образом, совершенно естественно вписываются в историко-хронологическую канву, дополняя ее многими интересными фактами.

К середине 1880-х гг. школа имела уже определенные традиции и успехи в подготовке профессиональных художников. Один показательный факт — согласно Отчету школы за 1883 г. ряд ее воспитанников (только одного выпуска!) продолжили свое образование в Петербургской Академии художеств (шесть учеников, в их числе известный

А.Н. Стилиануди

впоследствии пейзажист Г.С. Головкин); в Московском училище; в академиях художеств Вены, Флоренции, Милана, Парижа, Мюнхена (три ученика, в том числе художники Л.О. Пастернак и С.Я. Кишиневский). Вместе с тем время учебы А. Стилиануди совпало со стремительным реформированием школы. Инициаторами преобразований были профессор Новороссийского университета Н.П. Кондаков (в начале 1885 г. временно исполнял обязанности директора школы, а затем, до 1888 г. руководил общеобразовательными классами) и выпускник Академии художеств Г.А. Ладыженский, приглашенный в 1884 г. преподавать в гипсово-фигурном классе. В результате школа была приравнена к среднему учебному заведению и начала систематически финансироваться Академией, обучение стало системным и велось по новым программам, а с 1886 г. ученики школы получили право поступать в Академию без экзаменов. Многие из бывших педагогов старшего поколения были уволены. Сейчас трудно оценить все плюсы и минусы этих новшеств, но, к примеру, Л.О. Пастернак, учившийся в школе до реформ, в своих воспоминаниях "Записи разных лет" отмечал, что с реформами в школе установились "мертвящая рутина и казенщина".

Рукопись имеет два варианта — разрозненные черновые листы и окончательный текст, что свидетельствует об ответственности, с которой автор подходил к задаче. Рукопись не датирована, но время ее написания легко устанавливается по строке текста: "58 лет тому назад... я поступил в художественное училище...". Таким образом, воспоминания были написаны в 1943 г. в оккупированной Одессе. Как и многие другие художники, оставшиеся в городе, Стилиануди в 1942 и 1943 годах участвовал своими произведениями на двух организованных румынскими властями выставках "Salonul Oficial" и в эти же годы преподавал в Академии изящных искусств.

Основная часть рукописи предварена коротким вступлением, из которого видно, что это доклад А. Стилиануди для небольшого круга художников и любителей искусства. Там же отмечено, что автор хотел поделиться с аудиторией своими воспоминаниями о деятельности ТЮРХ, однако началом такого доклада должна быть глава об Одесской рисовальной школе. Это наталкивает на мысль, что, возможно, существовала и вторая часть рукописи — именно о деятельности ТЮРХ, — которая, к сожалению, пока не обнаружена. Маленький фрагмент из воспоминаний Стилиануди опубликован в книге А. Шистера "Кириаки Константинович Костанди". Там же отмечено, что рукопись Стилиануди находилась у дочери К.К. Костанди, С.К. Костанди. Таким образом, текст рукописи публикуется впервые.

Принесим благодарность дирекции Национального художественного музея Украины и сотруднику музея Л. Амелиной за возможность ознакомления с материалами фонда А.Н. Стилиануди.

Виталий АБРАМОВ

* * *

Как известно, основателем Одесского общества изящных искусств и рисовальной школы при нем в 1865 году был архитектор-итальянец Франц Осипович Моранди¹, приехавший в Одессу в 40-х годах. Вот что говорит о нем Александр Де-Рибас² в фельетоне Одесского листка 13 июня 1915 года: "Это был удивительный по натуре человек. Весь огонь, фантазия, увлечения и... наивность. Вечно суетившийся, обо всем и о всех беспокоившийся... благодаря своей живости, добродушию и неиссякаемому оптимизму был искренне любим всеми. Это... дало ему возможность совершить чудо — объединить в одном кружке почти все разрозненные силы Одессы в области искусства. Когда открылась эта школа, первыми преподавателями были Мальман³, Хойнацкий⁴, братья Бони⁵, Плис⁶ и др., первый директор Мальман сказал Моранди в ответ на его поздравления с началом дела: "Школа-то у нас есть. А будут ли в ней ученики?". Де-Рибас говорит далее, что все эти учителя сами создавали себе учеников, открывая таланты совершенно не подозревавших о том одесситов и привлекали их в свои рисовальные классы. Известно, что были учреждены даже особые воскресные классы для бесплатного обучения детей членов Общества.

Моранди умел создавать для своей школы не только учеников, но и учителей. Он привлек к преподаванию знаменитого впоследствии Вилье де Лиль Адана⁷, служившего тогда в одесском жандармском управлении и занимавшегося в часы досуга писанием картин акварелью. "Помилуйте, — сопротивлялся Вилье уговариваниям Моранди, — как я буду обучать других, когда я сам никогда не учился?" — "Ничего, — отвечал Моранди. — Вы будете учиться, обучая".

Рассказывают, что когда в восьмидесятых годах привезли из Италии в Одессу тело усопшего Моранди, первого вице-президента Одесского общества изящных искусств, то ученики рисовальной школы, успевшие по-

Ф.О. Моранди

забыть о ее первом строителе, не особенно охотно собирались идти на пристань для встречи усопшего. Это глубоко возмутило друга Моранди, преподавателя школы, старика итальянца, скульптора Иорини⁸, который, придя в класс, закричал на своем ломаном русском языке на учеников: "Бестии! Не буль Моранди, не буль ты. Ступай на пароход!". Вот это "Не буль Моранди, не буль ты" следовало бы (говорит Де-Рибас) начертать золотыми буквами на фронтоне здания нынешнего художественного училища, преобразованного из скромной рисовальной школы...

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ

58 лет тому назад я 17-летним юношей поступил в 1885 году в художественное училище Общества изящных искусств, вернее, еще тогда Рисовальную школу. Весной я по окончании средней школы отправился наводить справки о поступлении туда в старое здание, находящееся на Нежинской или Коблевской улице, а осенью я был принят в новое помещение, построенное по проекту Моранди. Там я вступил в реформированную школу, куда были приглашены новые преподаватели: Костанди⁹, Попов¹⁰, Ладыженский¹¹, и из старых остался Иорини. Застал я в школе два поколения учеников. О стариках, поступивших в нее до преобразования, следует особо поговорить. Это были Гарманин¹², Дзерковский¹³, Прохоров¹⁴, Остроменский¹⁵, Бендель¹⁶, Вальтух¹⁷, Бортникер¹⁸ и другие.

Гарманин поражал нас, юношей, своими шедеврами. Он ходил в плаще и широкополой шляпе, носил эспаньолку и у него был перебитый нос, как у Микельанджело. Он свободно писал целые картины-отсебятины и поражал нас, неискушенных юношей, своими шедеврами. Один из них я как сейчас помню. Покойник в гробу, и над ним склонилась женская фигура. Все это было трогательно, но, как я постиг только впоследствии, было дешево и халтурно. Он, между прочим, с друзьями-любителями выпивал по секрету фиксатив на спирту, который заготавливал Иорини для фиксирования рисунков своих учеников и хранил на шкафу в классе.

Другой интересный тип был такой же великовозрастный, но благородный бедняк-народник Дзерковский. Он не носил нижнего белья и часто сквозь прорванную одежду сквозило до неприличия его грешное тело... Но он не унывал: много философствовал, был мучеником искусства, и хотя любил его до самозабвения, но не пользовался никакой взаимностью.

Самым успевающим в школе до периода реформы ее был Адольф Остроменский. Но то, что он делал, было так же ловко, как и неубедительно, и его поздно, да и невозможно было переучивать. Он уехал скоро в Акаде-

мию и там тоже успел нахватать медалей. Он быстро писал огромных натурщиков. Был красив, общителен, много говорил и прибавлял небылиц в своих рассказах, как и отсебятины в своей живописи. Он был добродушным безвредным вралем, каким бывают часто охотники, но он никогда не клеветал. Мы часто заводили его, и он рассказывал неиссякаемые эпизоды своей жизни. Мы, тогда уже созревшие в понимании искусства, подтрунивали над ним.

Я помню, какую злую проделку совершили наши проказники: уезжая на каникулы из Академии, он оставил свертки своих холстов с натурщиками на хранение товарищам. Один из его товарищей, проделавший в холсте отверстие, где находился рот натурщика, ходил по вечеринкам к приятелям академистам и, между другими шутками, показывал живые картины. Двое держали по бокам огромный холст с изображением нагого натурщика, а третий, становясь за холстом, просовывал сквозь отверстие свой язык и вертел им в разные стороны. Первый дебют, помню, произошел на квартире одного из наших проказников, где во дворе против его окон находилось окно кухни другой квартиры. И вот одна дородная мамка оттуда частенько поглядывала на окно академистов и переговаривалась с ними знаками. Ей-то и показали впервые эту картину.

Кроме Остроменского к старшему поколению относились действительно талантливые юноши — Бортникер, Вальтух и Бендель. В особенности первый. Он у Костанди выделялся и написал несколько колоритных голов. Но все эти юноши не проявили себя впоследствии и исчезли из поля зрения, не оставив следа.

Среди моих коллег в школе были перезрелые девицы: Фревиль¹⁹, Виноградова²⁰, Болеславская²¹. Эту последнюю наши повесы изводили своими проказами. Женщины в натурмортном классе занимались отдельно от нас, так как их там было много, но при переходе на рисунок с женской натуры они работали с нами. И вот наши оболтусы, под предлогом, что жарко, начинали сбрасывать свои пиджаки и перекидывались двусмысленными анекдотами. Конечно, это все происходило в отсутствие преподавателя. Шумные были вечера при возвращении домой. Был один затейник (Сарпани): он вдруг, как бы споткнувшись, падал под ноги гуляющим на Дерибасовской девам и производил в их рядах переполох. Более степенные из нас друзья провожали друг друга до дома, и все это в бесконечных спорах и мечтах об искусстве. Хорошие также были дни экзаменов по работам. Мы утром расставляли свои работы на мольбертах, когда должен был проходить обход Совета для выставления номеров. У нас в натурном

классе в нише стояла большая программа Макарова²², которая теперь в музее, "Воскрешение дочери Иаира". Мы приподымали ее и пропускали за нее одного из наших товарищей, который должен был в течение нескольких часов, пока шел просмотр, выслушивать мнения членов Совета о каждом из нас. Мы же отправлялись пить пиво к Иозефу Вервагу в пивную на Полицейской улице или к Брунсу. Там я впервые постиг пикантную прелесть бенедиктина и рокфора. Оттуда мы шли в школу и заполняли лестницу в ожидании пропуска, по окончании экзамена, в классы. Это повторялось неоднократно, и только когда мы стали самостоятельными художниками, поведали об этом Кириаку Костанди. Он благодушно посмеивался сквозь свои усы, но не возмущался, сознавая, очевидно, как

нам было интересно мнение наших учителей о нас.

Незабываемым осталось для нас посещение нашей школы Николаем Николаевичем Ге²³. Будучи проездом в Одессе, он посетил нашу школу. Это было днем. Он зашел в натурный класс, ученики писали голову натурщика и никто не обратил на него внимания. Ге был другом и последователем Льва Толстого, одевался просто и скорее походил на мастерового. Костанди отсутствовал, да и директора А.А. Попова не было в школе. Ге

Н.Н. Ге

подошел к ученику Василию Домашеву²⁴ и стал его укорять, что он пишет, предварительно сделав контур головы. "Что вы, точно по канве вышиваете. Так не следует делать!" У старика руки зачесались, он взял у Домашева палитру, которую тот неохотно ему вручил, и на всякий случай спросил: "А кто вы такой?" — "Я художник Ге", — ответил Н.Н. И начал, конечно, бойко писать голову натурщика. Ученики восторженно окружили его, а практичный Васька Домашев (сын монаха) попросил Ге, чтобы он подписал этюд, быстро сообразив, что это составляет материальную ценность. Ге подписал, а мы были возмущены выходкой Васьки.

Когда Ге ушел, по всей школе разнеслось о происшедшем. Все ждали, что он придет и вечером, когда будут рисовальные классы. Так оно и случилось. Ге явился, и тут его встретили все: был и К.К. Костанди, и Попов,

и Н.П. Кондаков²⁵, и началась дискуссия. Наши стали ему доказывать, что начинающим рано писать без предварительного контура. Во всяком искусстве необходимо достижение технического успеха. Музыканты бесконечно упражняются в игре этюдов. Невозможно художнику начинать с конца, сам Ге прошел долгую упорную школу. Этого нельзя миновать. Конечно, Ге увлекался учением Толстого. Его приперли к стене и завязался жаркий спор. Мы, молодежь, конечно, были на стороне Ге из собственного нам чувства протеста. При выходе из школы толпа учеников чуть не на руках вынесла Ге и провожала его до дома, привлекая всеобщее внимание прохожих.

Младшее поколение

Одним из талантливейших младшего поколения был красавец юноша, брюнет цветущего вида, Мартос²⁶. Исключительный колорист, несомненно, благотворно влиявший на всех нас. Как рождаются музыканты с абсолютным слухом, так и художники, которые инстинктивно чувствуют тончайшие нюансы тонов. Он в бликах постигал ясно спектр. Он был с причудами и писал все одной широченной кистью и освобождал ее от предыдущего тона не тряпкой, а обволакивал в белила. У него впервые появилась огромная палитра, и он все свои скудные средства тратил на краски. Рисовал он также своеобразно. Из множества угольных штрихов и пасов постепенно выявлялись формы натурщика, как из тумана. Костанди, относящийся всегда терпимо к своеобразной манере ученика, поглядывал косо на эту манеру рисования, и когда из этого у него ничего не вышло, сделал ему строгое внушение и потребовал строгой, четкой штудировки. Бедный Мартос покончил свою жизнь в больнице для душевнобольных. На его взвинченную чувствительность повлиял случай с одной особой в Петербурге, которая жила по соседству с ним и бросилась из окна. Он стал проявлять ненормальность, вернулся в Одессу, и его отправили в больницу.

О других моих сверстниках по школе и Академии можно много порассказывать. Во-первых, о благополучно здравствующих Е.О. Буковецком, П.А. Нилусе, Б.И. Эгизе, Х.С. Чернявском²⁷ и об отошедших в лучший мир: Т.Я. Дворникове, Н.Н. Лепетиче, В.Ф. Кореневе²⁸ и других, но я отложу это до другого раза, когда буду говорить о южнорусских художниках.

Мои учителя

В 1885 г. в I классе моим преподавателем был Геннадий Александрович Ладыженский²⁹. Рисовали там геометрические тела и простые натюр-

морты. Он же вел и в старших группах, т. е. когда ученик переходил в гипсово-фигурный класс, живопись натюрморта. Личность Ладыженского

Г.А. Ладыженский

оригинальная, интересная и колоритная. Крайне нервный и всегда подозрительный, он смотрел исподлобья; но это был талантливый художник и один из лучших русских акварелистов. В Петербурге его акварели поражали своей свежестью и своеобразной техникой и сильно отличались от шаблонных, манерных и благополучных работ других художников. Сплоченная братия петербургских акварелистов загоняла его работы в верхние ряды выставки, где их нельзя было хорошо видеть, выставки эти устраивались на Б. Морской в Обществе поощрения художников. В нем видели опасного

конкурента, а торговля там шла бойкая. В первый же день открытия ее посещал государь, а за ним вся придворная аристократия, которая раскупала работы своих любимчиков — модных художников.

Какой он был своеобразный, можно заключить из следующего. Недавно я читал какого-то художника, если не ошибаюсь, Нестерова³⁰, сверстника Ладыженского, там промелькнула такая заметка о том, как студент академии Ладыженский подал своему профессору Плешанову³¹ эскиз "Христос у Марии". Этот оригинальный юноша изобразил на первом плане веранды, обвитой виноградом, двух дерущихся обезьян, а группу Христа и женщин поместил в глубине эскиза. Ну и досталось же бедному Ладыженскому! Он получил такой реприманд от академического профессора за такую трактовку сюжета, что ему не поздоровилось.

Ладыженский был страстным коллекционером старины, и его холостяцкая квартира, на дверях которой висел огромный замок на железной перекладине через всю дверь, как у какого-нибудь склада, была завалена всевозможными раритетами. Тут можно было видеть старинные Евангелия и образа, и рыцарские доспехи, и бронзу, и фарфор, и все это он пополнял, уезжая к себе на родину в Кологрив, проезжая через Москву, где на рынках выискивал диковинки. Да и у нас в Одессе, на толкучем рынке, он с чутьем фокстерьера умел находить интересные вещи.

Ладыженский был неровным в обращении с человеком, у него бывали приливы и отливы дружбы. То он зачастит к покойному К.К. Костанди, то несколько месяцев не показывается. "Вероятно, его чем-либо обидели или, вернее, ему так показалось", — говорил Костанди. Со мной у него случился такой инцидент: Встретившись с ним на одной из наших выставок южнорусских художников, я ему поклонился, а он смотрит на меня исподлобья и говорит: "Что же вы теперь мне кланяетесь, а раньше, в дру-

К.К. Костанди. Шарж М. Линского

гих залах, когда вы проходили со своими дамами, вы меня не замечали?!". Я опешил и говорю: "Да помилуйте, Г. А., я только что пришел на выставку и ни в каких других залах еще не был". Что же оказывается? Моим двойником оказался мой младший брат³², который пришел на выставку с женой, и, не будучи знаком с Ладыженским, естественно, ему не поклонился. Когда я, через несколько минут после этого, встретивши брата, догадался в чем дело, я догнал Г. А. и объяснил ему его ошибку, он виновато улыбнулся, но не извинился.

Молодого художника Бортникера, который в бытность свою в школе подавал надежды и которому благоволил Ладыженский, он пригласил к себе домой и стал ему показывать свои работы, раскрывши большую папку; Бортникер по простоте душевной, а вернее, по самоуверенности и бестактности, стал в некоторых работах указывать на недостатки. Щепетильный Г. А. посмотрел на него сверху вниз, ничего не сказал, отошел от него и стал смотреть в окно. Этим совсем недвусмысленно дано было понять, что аудиенция окончена. Бортникер постоял, постоял и ушел.

Ладыженский преподавал в I классе геометрические тела и натюрморт тушью, а в IV классе — натюрморт красками. Он имел своих любимчиков, к которым чаще подходил и даже поправлял их работы, не ограничиваясь одними указаниями. Одним из таких был племянник Николая Корнеевича Бодаревского³³, Вадим Морозов³⁴. Он удивительно передавал локальный цвет предмета, если можно так сказать, с фотографической точностью, но не чувствовал нюансов, переливов колорита. Он, между прочим,

неплохо сооружал сам яхты. Г. А. подолгу выдерживал в своем классе талантливых учеников, накапливая для ученической выставки их работы, и только когда он замечал, что ученик начинает уже давать работы сильнее, он переводил его в следующий класс, где преподавал Костанди живопись с живой натуры: сначала головы и фигуры в одеждах, а затем целой обнаженной фигуры.

Но Ладыженский не угнетал своих учеников, не навязывал им свое "я", хотя иногда, в начале своей преподавательской деятельности, говорил с возмущением, запинаясь: "Я не вижу у вас на палитре битума!". Когда-то он был приверженец этой красивой, но вредной асфальтовой краски. Впоследствии он отрекся от нее.

Помню, как-то зашел в наш натюрмортный класс профессор Никодим Павлович Кондаков — знаток византийской живописи. Он был представителем от Академии в нашей школе. Ладыженский показывал ему наши работы и особенно гордился, что каждый пишет по-своему, и это было действительно так.

Ладыженский говорил часто: "Вы мне на... пи... ши... те травинку, тра... винку! И я скажу, что вы художник".

Все же он не любил, когда с ним не соглашались. Помню, как-то раз мы писали довольно сложный натюрморт. На аналое стоял образ в окладе под стеклом перед лампадкой красного стекла. Отражение на нижней половине образа имело еле уловимый красноватый нюанс, а верхняя половина была залита тепловатым огоньком света. Ладыженскому что-то не понравилось в исполнении, и он стал ему [ученику] указывать, что он якобы неправильно преломляет отражение в стекле образа. Ученик был завзятый юноша. Подошел к образу, приподнял лампадку и наглядно показал, как изменилось отражение. Ладыженский скривился от неудовольствия, убедился, что был не прав, но зато долго игнорировал этого ученика и не подходил к нему.

Иногда Ладыженский отпраплялся с нами за город на этюды и сам тоже писал. Его замечания были кратки, но метки. Один ученик впадал в черноту на пленере. Ладыженский подошел к его этюду, ухмыльнулся и вымолвил одно только слово: "брюне... е... точка".

Скульптор Луиджи Иорини

Во втором классе, куда я перешел из класса геометрических тел, преподавал рисунок с гипсовых орнаментов Луиджи Иорини. Это единственный учитель, перешедший из старой дореформенной рисовальной школы

в новую, которого вызвал в Одессу преподавать скульптуру его компатриот Франц Иосифович Моранди. Это был высокий, коренастый и крепкий миланец, типа художников итальянского Возрождения. По виду он казался суровым, никогда не улыбающимся стариком, но на самом деле он был добродушным, душевным и отзывчивым человеком. Ученики его любили и уважали и нередко в трудные минуты обращались к нему по мелким денежным займам. Он никому никогда не отказывал в этом, но некоторые забывали возвращать ему долг.

Ровный в обращении как с сильными мира сего, которые его радушно принимали, так и с простыми людьми. Зимой он через весь двор шел на занятия в школу без пальто и шапки. Обедать ходил в находившийся поблизости трактир "Золотой якорь" и там требовал на ломаном русском языке. По праздникам и по воскресеньям его звали к себе на обед богатые negociants — итальянцы Анатра³⁶ и др.

Он поощрял нас побольше работать с натуры и нередко, когда замечал, что ученикам прискучили гипсы, говорил: "Возьмите ящики и кисти и идите писать этюды".

Большой последователь реализма, в особенности в портрете (он оставил превосходные бюсты в мраморе генерал-губернатора Одессы Коцебу³⁷, городского головы Г.Г. Маразли³⁸, negocianta Федора Родоканаки³⁹. Очень жаль, что они, кажется, исчезли). В остальных своих работах он был приверженцем идеальной красоты, что видно в его фигуре "Душа" и др.

Так, когда одна из его юных учениц в школе при копировании в глине бюста Венеры Медицейской, увлекаясь, преувеличила в размере девственную грудь богини, Иорини с отеческой простотой изощренными пальцами скульптора провел по округлости груди самой смутившейся ученицы и воскликнул: "Посмотри на себя и посмотри, как работают за границей!".

Он вообще был откровенен до наивности. После своего юбилея, он всем, почтившим его, раздал свои фотографии с благодарственными автографами.

Л.Д. Иорини

ми. Они были двух размеров. Кабинетные и визитные. Ученикам он раздал визитные, но одной ученице, А.П. Гонзаль⁴⁰, которая при чествовании преподнесла ему букет роз, он дал большую фотографию. Ее подруга, увидев у Гонзаль кабинетную фотографию, стала просить Иорини, чтобы он и ей дал такую же. Иорини ответил ей: "Но Гонзаль ведь вручила мне цветы!..".

Во время его смерти я был в Петербурге в Академии и не видел, как его хоронили, но от товарищей впоследствии узнал, что многочисленные его настоящие и бывшие ученики и поклонники устроили торжественные похороны, и я видел, какой ему воздвигли памятник на кладбище, где была выставлена большая его фотография, на которой он был запечатлен с учениками и друзьями. К сожалению, какие-то варвары разбили фарфор фотографии.

Академик Александр Андреевич Попов

После двух месяцев моего пребывания во втором классе я за вторую мою работу был переведен в третий, головной класс, где рисовали гипсовые головы. Классом руководил А.А. Попов. Он прошел курс Академии блестяще и вышел на конкурс одновременно с Репиным и Макаровым. Писал на тему "Воскрешение дочери Иаира" и получил большую золотую медаль с поездкой на три года за границу, на что выдавалось 10 тыс. рублей. Впоследствии он получил звание академика и был Академией назначен директором Одесской рисовальной школы.

Женился он в Одессе на миловидной девице Голимбиовской и погрузился в тишину обывательских будней. Он, как уроженец центральной России, прельстился красотой нашего моря и принялся часто изображать его. Но эти его попытки не трогали нас — художников, однако средняя публика раскупала охотно эти его произведения, благо он их ценил не дорого — десятками рублей.

Многочисленная семья требовала большого бюджета, и он стал писать образа для церквей, что у него шло недурно, благодаря гладкости его письма и академической ловкости.

А.А. Попов

В общем незадачливый художник, он все же был хорошим преподавателем в гипсово-головном классе. Попов учил нас пропорциям и моделировке. Тогда голову ставили на целый месяц и рисовали по два часа ежедневно, кроме субботы, когда не было послеобеденных занятий. Он любил говорить о длине и ширине, а при тушевании требовал тщательной лепки и моделировки и, указывая на свою нервную руку, показывал на ней нюансы полутонов.

Примечания

- ¹ Моранди, Франческо (Франц) Иосифович (1811-1894) — архитектор, в Одессе работал с 1839 г. С 1845 г. — академик архитектуры.
- ² Де-Рибас, Александр Михайлович (1859-1937) — историк, литератор.
- ³ Мальман, Фридрих Фридрихович (1821-1879) — художник-портретист. Учился в Мюнхене.
- ⁴ Хойнацкий, Ромуальд (Иосиф Петрович) (1818-1885) — портретист и религиозный живописец. Учился в Варшаве.
- ⁵ Братья Бони — Петр и Цезарь (Чезаре) — художники из Милана, преподавали в ОРШ до 1885 г.
- ⁶ Плис, Семен Елизарович (1818-1879) — портретист. Учился в Петербургской и Миланской академиях художеств.
- ⁷ Вилье де Лильт Адан, Эмилий Степанович (Самойлович) (1843-1889) — акварелист, художник-самоучка. Получил в АХ звание классного художника. Преподавал в ОРШ в 1886-1889 гг.
- ⁸ Иорини, Луиджи Доминикович (1817-1911) — скульптор. Учился в Миланской АХ.
- ⁹ Костанди, Кириак Константинович (1852-1921) — живописец. Преподавал в ОРШ с 1885 г.
- ¹⁰ Попов, Александр Андреевич (1852-1919) — живописец. Директор ОРШ в 1885-1917 г.
- ¹¹ Ладьженский, Геннадий Александрович (1853-1916) — живописец, акварелист. Преподавал в ОРШ в 1884-1914 г.
- ¹² Горшанин — ученик ОРШ.
- ¹³ Дзерковский, Иосиф — ученик ОРШ с 1880 г.
- ¹⁴ Прохоров — ученик ОРШ.
- ¹⁵ Остроменский, Адольф Адольфович (1863-?) — живописец. Учился в ОРШ в 1880-1887 г. В 1889-1894 гг. — в АХ.
- ¹⁶ Бендель, Эмилий Сигизмундович (1870-1948) — живописец, окончил ОРШ в 1887 г. Учился в Мюнхене у Ш. Холлоши и в Париже у Р. Жюльена.
- ¹⁷ Вальтух — учился в ОРШ. В 1890 г. участвовал в первой выставке ТЮРХ.
- ¹⁸ Бортникер, Давид Иванович (1876-1925) — пейзажист. Учился в ОРШ в 1883-1888 гг. В 1888-1894 — в АХ.
- ¹⁹ Фревиль — соученица А. Стилиануди по ОРШ.
- ²⁰ Виноградова, Прасковья — училась в ОРШ с 1881 г.
- ²¹ Болеславская — соученица А. Стилиануди по ОРШ.
- ²² Макаров, Евгений Кириллович (1842-1884) — портретист, писал картины на религиозные темы.
- ²³ Ге, Николай Николаевич (1831-1894) — исторический живописец, портретист. Согласно воспоминаниям И.Е. Репина (см.: "Далекое-близкое". М.-Л., 1964) Н.Н. Ге в 1887 г. приезжал в Одессу к своей сводной сестре и посетил Одесскую рисовальную школу. И. Репин описывает этот эпизод.

- ²⁴ Домашов, Василий — учился в ОРШ с 1883 г.
- ²⁵ Кондаков, Никодим Павлович (1844-1925) — историк искусства, академик.
- ²⁶ Мартоз, Сергей — ученик ОРШ с 1883 г.
- ²⁷ Буковецкий, Евгений Иосифович (1866-1948) — живописец, учился в ОРШ в 1887-1890 г.; Нилус, Петр Александрович (1869-1943) — живописец, график, литератор; Эгиз, Борис Исакович (1869-1946) — живописец.
- ²⁸ Чернявский, Хорлампий — учился в ОРШ с 1883 г.
- ²⁹ Дворников, Тит Яковлевич (1862-1922) — живописец, учился в ОРШ в 1889-1891 г.; Лепетич, Николай Николаевич (1866-1921) — акварелист, литератор. Учился в ОРШ в 1886-1890 г.; Корнев (Новороссийский), Вячеслав Федорович (1868-1928) — живописец. Учился в ОРШ в 1886-1889 г.
- ³⁰ В доступной нам литературе о М.В. Нестерове этот факт не обнаружен.
- ³¹ Плешанов, Павел Федорович (1829-1882) — исторический живописец. Профессор АХ с 1869 г.
- ³² Брат А. Стилиануди — Константин Николаевич Стилиануди — банковский служащий.
- ³³ Бодаревский, Николай Корнелиевич (1859-1921) — живописец.
- ³⁴ Морозов, Вадим Львович (1867-1940) — живописец, пейзажист. Учился в ОРШ в 1886-1887 г.
- ³⁵ Анатра — семейство одесских купцов, предпринимателей, общественных деятелей.
- ³⁶ Коцебу, Павел Евстафьевич (1801-1884) — граф, новороссийский генерал-губернатор.
- ³⁷ Маразли, Григорий Григорьевич (1831-1907) — предприниматель, общественный деятель, меценат. Городской голова Одессы с 1880 по 1895 г.
- ³⁸ Родоканаки, Федор Павлович (1797-1882) — банкир.
- ³⁹ Гонзаль, Анна Петровна — ученица ОРШ. Впоследствии музейный работник.

Публикация Виталия АБРАМОВА

